

Премьер-министр стремился призвать русскую дипломатию не успокаиваться в отношении нового развития у российских границ в Азии. «Между тем, гроза не с одного Запада. Я не согласен с Вами [Извольским А.П.] в оценке Китая. Вернувшийся оттуда Гучков говорил мне, что он был поражен переменою не только в Китае, но и в китайцах. Вот где нам нужна и мудрость, и осторожность»¹⁶.

Петр Столыпин как глава правительства делал все, чтобы Россия стала сильной, современной державой в экономическом, внешнеполитическом и оборонном отношениях. В правительстве исходили из того, что никто в мире не считается со слабым партнером, неспособным обеспечить свои внешние интересы. Поэтому реформирование вооруженных сил рассматривалось и как ключевая геостратегическая задача, без решения которой нет опоры для успешной международной политики страны.

Особому совещанию (с участием представителей военных ведомств) под руководством П.А.Столыпина удалось провести увеличение ассигнований на оборону, хотя и в урезанных цифрах. Решающий аргумент премьера, что «великие мировые державы имеют и мировые интересы», что они не могут отказываться от «права голоса в разрешении мировых дел и флот - это тот рычаг, который осуществляет это право»¹⁷, - сыграл свою роль.

Есть еще два вопроса, которые являлись не внешнеполитическими, а внутренними, относящимися к сфере национальной политики правительства, и имели особое значение для интересов Российского государства. Это «польская проблема» и вопрос «финляндской» автономии. В общеевропейском, внешнеполитическом аспекте вопрос о самостоятельности Финляндии и Польши заключался в следующем. Не только в России, но и других государствах-империях отдавали себе отчет в том, что возникновение новых, независимых государств в Европе (учитывая опыт Болгарии и Сербии) требует определенного времени. Очевидно, что возрождение польского независимого государства, что, разумеется, было бы законным (и исторически оправданным), или независимой Финляндии не только изменило бы политическую карту Европы, но и было чревато нарушением существовавших военно-политических балансов и противовесов, что неизбежно повлекло бы за собой опасность конфликтов и европейской войны. К тому же и в Париже, и в Лондоне понимали, не говоря уже о Санкт-Петербурге, Берлине или Вене,